Последние звуки битвы стихли, и командиры трех Великих рот Железных Воинов, пришедших на Гидру Кордатус, собрались по зову своего повелителя.

Кузнец Войны стоял во всем великолепии своей чудовищной силовой брони, довольный кровопролитием, что разразилось ради него. Три избранных чемпиона стояли перед ним, преклонив колени; броня каждого была забрызгана кровью, отливавшей оранжевым в лучах полуденного солнца. Кузнец Войны, не обращая на них внимания, обозревал искореженные пустоши, что когда-то были космопортом. Однако картина тотального разорения была обманчива.

Неуклюжие наземные машины были спущены с орбиты меньше часа назад, но уже сгребали разбитые самолеты и десантные капсулы со взлетно-посадочных полос и платформ. Мертвые тела сминались их мощными траками, скапливались в широких ковшах тракторов, что бесцеремонно спихивали их в гигантские воронки от бомб. Кузнец Войны обратил взор к пылающему небу, вспоминая тот момент, когда он впервые взглянул на этот мир. И планета, и сам он тогда были совсем иными, так что Кузнец задался вопросом, знают ли те, кто называют это место своим домом, как так вышло, что оно теперь напоминает столь милую взору преисподнюю.

Высоко вверху он увидел массивную тень, размытую и нечеткую, но видимую благодаря его усовершенствованному зрению. Там, в пылающем мареве верхних слоев атмосферы, массивный корабль, борясь с тягостным влечением гравитации, извергал сотни транспортов из своего брюха, словно матка приплод.

Каждое из «детенышей» было сотни метров длиной и битком набито рабами, солдатами, боеприпасами, оружием, осадными машинами, инструментами и всеми прочими материалами, необходимыми для осаждающей армии. Форрикс знал свое дело, так что Кузнец Войны был уверен: эта сложная и тонкая операция пройдет без проблем.

Он также понимал, что время было его злейшим врагом. Абаддон Разоритель приказал завершить операцию до того, как его собственный тайный план придет в исполнение, взамен пообещав забыть, что Железные Воины некогда отстранились от него. Для Кузнеца Войны приказ Разорителя попахивал тем же самым предательством, что когда-то давным-давно привело Железных Воинов в объятия Темных Богов. Пертурабо совершил ошибку, доверившись тому, кого называл другом и господином. Кузнец Войны этой промашки не повторит.

У Абаддона, может быть, и есть какие-то планы, но у Кузнеца Войны имеются свои.

Было некое приятное совпадение в том, что он вернулся на Гидру Кордатус. Сегодня он стоял на пороге величия. Он вернулся на планету, где впервые применил навыки, усвоенные им еще в бытность неофитом на Олимпии.

То, что он когда-то помогал создать, сегодня он же и разрушит до основания.

Он снова взглянул на своих боевых командиров, по очереди изучая их.

Форрикс, капитан первейшей из Великих Рот. Вместе они удерживали последние врата дворца Джарельфи; он же командовал отступлением с Терры и принес клятву верности над клонированным телом самого Хоруса.

Его опыт был не сравним ни с чем. Кузнец Войны ценил его совет больше других, потому что, хоть пламя славы давно погасло в его брате-одногодке, десять тысяч лет войны не ослабили Форрикса, ибо сила Хаоса наполняла его тело невероятной силой. Терминаторский доспех воина был выкован в кузнях самой Олимпии, и каждый его элемент вручную создан мастерами, чье умение уже давным-давно стало не более чем отголоском легенды. Рядом с ним Кроагер, молодая кровь. Конечно, говорить так было бы смешно, учитывая, что он прошел почти столько же битв, сколько и Форрикс. Однако Кроагер был и оставался молодым сорвиголовой, который всегда ощущал физическую необходимость быть в самом пекле боя. Его доспех был выщерблен и прожжен в десятках мест, что служило доказательством боевого неистовства хозяина, но Кузнец знал, что Кроагер обладал слишком хитрым умом для простого «мясника». Не Кхарн из Пожирателей Миров, но целеустремленный убийца. Будь он другим, одним из тех, кто поддался голоду Кровавого Бога, то не прожил бы так долго.

Несмотря на то, что они избегали смотреть друг на друга в его присутствии, Кузнец Войны чувствовал ненависть между Кроагером и полукровкой Хонсю. В жилах Хонсю текла кровь Олимпии, но в него также было имплантировано геносемя, вырванное из старых врагов, Имперских Кулаков. Кровь Хонсю была осквернена частицей Рогала Дорна, шавки Трупа-на-троне, и этого Кроагер никогда ему не простит, невзирая на то, что деяния Хонсю были как минимум столь же велики, как и его собственные. Именно Хонсю провел штурмовой отряд смертников через брешь в кадийском бастионе на Мажно 4–0 после того, как залп огня «Василисков» уничтожил капитана. Он лично прорвал осаду Севастафорка и привел лоргамарское восстание к абсолютной победе. И все же, ничто не могло искупить факт наличия в нем той ненавистной крови, и эта причина, вкупе с некоторыми другими, объясняла, почему Кузнец Войны не возвел Хонсю в капитаны какой-либо из Великих рот, хотя тот полностью подходил для этой должности.

Кузнец Войны ощущал запах веры и амбиций в Хонсю, и сей гнусный аромат его очень порадовал. Этот рискнет многим ради чести стать капитаном. Соперничество, тщательно взращенное Кузнецом в командирах, было словно пряностью, услаждавшей его вкус.

Кузнец Войны давно уже смотрел на мир не так, как остальные люди; его взгляд пронизывал имматериум, прозревая вещи, недоступные уму смертного, вещи, которые ввергли бы неподготовленный разум в безумие. В каждом движении воздуха он видел намеки, предложения и ложь будущего. Каждая пляшущая частица бытия шептала о том, что будет, и о том, что вряд ли произойдет. Он видел мириады картин будущего, исходящие от его чемпионов: ревущее бурление ядовитой жижи, сверкающей сквозь кошмарную тьму, ужасный взрыв, похожий на новорожденное солнце, и могучая битва с одноруким гигантом, чьи глаза сияли ледяным огнем. Смысла этих видений Кузнец не мог понять, но обещания смерти в них заставили его улыбнуться.

— Вы славно потрудились, дети мои, — начал Кузнец Войны, опуская взгляд на своих чемпионов. Никто не ответил; никто даже не посмел издать и звук без повеления господина.

Довольный таким благоговением, Кузнец Войны продолжил:

— Хотя мы прибыли на этот мир по велению Разорителя, но именно по моей воле сделаем, что должны. Здесь находится крепость, содержащая нечто ценное для меня, и вскоре я заполучу это. Вы, мои сыновья, станете орудиями в этом деле. Великую награду и благоволение обретет тот, кто принесет мне, что я желаю. Поражение и смерть ждут всех нас в случае неудачи.

Кузнец поднял голову и взглянул на каменистые склоны к западу от дымящегося космопорта. Хорошо обустроенная дорога вела прямиком к их цели, причине грядущей битвы. В конце той дороги — Кузнец Войны знал, что венец всего, за что он боролся, спрятан внутри планеты — была награда столь ценная и тайная, что даже самые высокопоставленные и могущественные люди в этом прогнившем Империуме не знали о ее существовании.

Оставив своих чемпионов, Кузнец Войны направился к украшенному «Ленд Рейдеру» с толстыми бронированными плитами, привинченными к бокам, и сверкающими бронзой гусеницами. Адамантиевая дверь открылась, приветственно зашипев, и Кузнец обратился к трем командирам:

— Идемте, узрим врага, которого мы должны уничтожить.

Хонсю был наготове. Из башни своего командирского «Носорога» он наблюдал за небом, ожидая угрозы с воздуха, что могла бы навредить колонне машин. Он не ждал ничего особенного, так как космопорт был в их руках, а небеса полны транспортов, прибывающих с орбиты, но природная подозрительность заставляла Хонсю соблюдать осторожность.

В горло попала пыль, нейрогланды, вживленные в глотку, определили химический состав воздуха, и Хонсю отхаркнул за борт машины немного слизи. Гланды функционировали далеко не так хорошо, как раньше, и множество оттенков яда, которые он ощущал, были незнакомы. Но он зачерпнул достаточно скверны из воздуха, чтобы понять, что раньше атмосфера планеты была смертельной для любого живого существа, ступившего на эту мертвую поверхность.

Он вытянул шею, оглядываясь назад, на дорогу, по которой они ехали, на пыльные, безжизненные скалы, что последние три месяца были его домом. Над горами, с которых орбитальная бомбардировка стряхнула вековые скопления песка, висел туман. При нормальных обстоятельствах залп с орбиты был бы очень рискованной затеей, а хирургический удар и вовсе невозможен. Однако успех диверсионной миссии Хонсю дал орудийным демонам «Камнелома» возможность прицелиться и выместить страшную ярость боевой баржи на средствах планетарной защиты.

Как прекрасно было ощущать бронированную мощь «Носорога» под собой, направляясь на войну во главе войска. Враг ожидал их, и Хонсю предвкушал восторг сражения, что горячо стучал в венах, волнуя кровь. Битва за космопорт принесла гигантское облегчение, но теперь он с нетерпением ожидал уничтожения имперской крепости, логических методов, четких целей и результата, порожденного тщательным планированием и организованностью.

Воздух наполнился пылью, и Хонсю снова сплюнул, гадая, что могло произойти с планетой, после чего она стала такой пустынной, но тут же отбросил этот вопрос как бессмысленный. Подняв голову, он увидел на вершине горы урчащие двигателями бронетранспортеры Кроагера, Форрикса и Кузнеца Войны; клубы черного дыма поднимались над выхлопными трубами в виде горгулий. Удручало, однако, то, что ему самому приходилось двигаться позади ротных капитанов, как какой-нибудь собачонке. Он воевал и убивал столько же, сколько Кроагер с Форриксом, совершал гнусности, преследуя их цели, вел людей сквозь огонь, проявляя себя снова и снова. Но почему же ему постоянно отказывают в присвоении звания капитана, почему ему приходится бесконечно сражаться за право быть признанным?

Ответ на этот вопрос пришел сам собой, как только он увидел пятна высохшей крови на рукавице доспеха. Нечистая кровь была его проклятием. Быть созданным из семени врага — это не только оскорбление ему в той же степени, что и врагу, но ещё и постоянное напоминание о том, что он не истинный Железный Воин, несмотря на те фрагменты геносемени, что были переданы ему от избранных с Олимпии.

Обида росла, и он не подавлял её, наслаждаясь ее пепельным привкусом. Обиду вынести проще, чем запах бессилия и отчаяния, который, как он считал, исходит от него, и осознание того, что, несмотря на все усилия, он не будет принят. Водитель «Носорога», бывший когда-то Железным Воином, а ныне настолько мутировавший, что уже представлял собой некий симбиоз с машиной, выехал на вершину горного хребта, остановившись рядом с Форриксом. Старый ветеран приветствовал прибывшего Хонсю коротким кивком головы, тогда как Кроагер его проигнорировал.

Хонсю позволил себе сдержанную ухмылку. Неважно, какую обиду он держал на своего господина, он всегда мог найти утешение в том, что его воинское мастерство было достаточным, чтобы Кроагер чувствовал в нем соперника. Он знал, что Кузнец Войны ценил Кроагера, и если твердолобый капитан Второй роты чувствовал в Хонсю угрозу, то тем лучше.

Кузнец Войны стоял на краю вершины, погруженный в мысли, и Хонсю поежился от безотчетного страха, скользя глазами по причудливым узорам, что оставили проклятые души, заключенные в доспехе повелителя. Когда глаза Хонсю начало саднить от того, что он слишком долго задержал взгляд на доспехе, его внимание привлекло нечто несоизмеримо более великое, нежели броня Кузнеца Войны.

Вдали, в обрамлении красно-коричневых скал долины, располагался оборонительный комплекс Гидры Кордатус.

Хонсю с трудом верил своим глазам. Совершенство крепости захватывало дух. Никогда раньше он не видел столь удивительного образца военной архитектуры.

Впереди, на каменистом выступе высоко над плато, располагался небольшой форт с тремя бастионами и наклонными стенами из гладкого рокрита. Перед центральным бастионом стояла высокая башня с амбразурами. Она защищала узкое ущелье между левым и центральным бастионами. Башня доминировала над плато, и Хонсю сразу понял, что в грядущей осаде ее уничтожат в первую очередь. Высота и крутизна склонов под крепостью уже сами по себе

представляли серьезную преграду, так что Хонсю очень хорошо понимал: любая атака на эти стены станет делом весьма кровавым. Каждый сантиметр плато перед фортом наверняка усеян орудиями, и подойти к главной крепости невозможно, пока этот клочок земли находится в руках Империума.

Поведя взглядом дальше на север от высокой крепости, Хонсю вдруг забыл о впечатлении, что произвел на него форт. Тот был всего лишь младшим братом главной цитадели, и воин почувствовал, как кровь молотом застучала в его сердце при одной мысли о штурме столь могучего сооружения. Ее пропорции были настолько совершенны, что в сознание Хонсю невольно закралась мысль, способен ли он или кто-то из ныне живущих Железных Воинов создать столь божественное творение.

Два обширных бастиона, достаточно крупных, чтобы вмещать тысячи бойцов, угрожающе нависали по обеим сторонам долины, но еще большая их часть была сокрыта в толще склона, нисходящего к ногам Хонсю. Геометрия конструкций была безупречна, а точность постройки являла собой чудо. Длинная куртина соединяла эти два укрепления, и между ними Хонсю увидел крышу передового равелина — постройки, похожей на букву V. Равелин защищал стену и ворота внутри от атак и мог смести осаждающих с бастионов убийственным фланговым огнем. Обе стороны равелина перекрывались, в свою очередь, фронтами бастионов, так что нигде не было укрытия от бури ружейного огня и артиллерии.

Несмотря на то, что поверхность земли скрывала подножие бастионов и равелина, Хонсю знал, что та местность — смертельный лабиринт из волчьих ям, огненных ловушек, пристрелянных площадей, минных полей и других опасных сюрпризов. Сотни метров колючей проволоки простирались от самых краев гласиса, вала, насыпанного на переднем краю рва напротив стен для затруднения прицела артиллерии: «колючка» покрывала все долину сплошным зазубренным ковром.

Большая часть крепости была скрыта от взора восходящим склоном земли и хитростью строителей, но в центре самой северной точки долины Хонсю заметил блокгауз в форме ромба, построенный на вершине склона, верхние переходы его ощетинились орудиями. Его местоположение означало лишь одно: он охранял нечто, находящееся под ним и скрытое от глаз. Возможно, вход в подземные укрепления в самой горе.

На возвышенности, в километре на запад от блокгауза, располагалась украшенная башня с крылатыми ангелами на крыше, высеченная из гладкого черного камня. Даже отсюда Хонсю мог видеть, что она построена из материалов не местных, но привезенных с других миров. Дорога, уставленная по краям статуями, уходила вниз от башни, исчезая из виду за горизонтом из вершин бастиона. Каково было ее предназначение и каким образом столь изящный экземпляр архитектуры оказался вдруг в таком пустынном месте, оставалось тайной, но Хонсю не придал ей никакого значения. Стратегической важности в грядущем штурме эта тайна не имела, и потому была ему безразлична.

Кто бы ни спроектировал эту цитадель, он был настоящим мастером своего дела, и Хонсю почувствовал будоражащее шевеление в животе, когда представил, как эта местность будет кишеть людьми и машинами, наполнится кровью и смертью, как будет грохотать со склонов долины артиллерия; он представил ослепляющие клубы едкого, ядовитого дыма и крики

умирающих людей, тонущих в вязкой, жидкой грязи под могучей поступью титанов.

Что за секреты хранила эта цитадель? Какое могучее оружие или неведомое сокровище было сокрыто в ее стенах? По правде говоря, Хонсю это было безразлично. Сама возможность штурма этого величественного сооружения уже была большой честью. Желание Кузнеца Войны узнать тайну цитадели было достаточным для Хонсю, который поклялся, что, как бы то ни было, что бы ни пришлось сделать для этого, он первым ворвется в проломленные стены цитадели.

Гулкий грохот эхом донесся из долины, и Хонсю заметил облачко грязного дыма, расцветающее за стенами передового форта. Еще только завидев снаряд в воздухе, Хонсю уже понял, что тот не долетит. И действительно, боеприпас врезался в землю в полукилометре впереди от того места на краю горы, где они стояли, швырнув в воздух огромные куски земли в клубах дыма.

Кузнец Войны проследил взглядом в направлении выстрела и сказал:

— Битва началась. Пора нам побольше узнать о возможностях наших врагов.

Затем он повернулся к своим чемпионам и кивнув Кроагеру:

— Привести пленников.

Глава 5

Командир 383 полка Джуранских драгун Претр Вобан глубоко затянулся сигарой и закрыл глаза, позволив клубам едкого сизого дыма задержаться во рту, прежде чем медленно выдохнуть. Толстая сигара была подарком от адепта Наицина, и хотя в обычных обстоятельствах он предпочитал более мягкий черут, в крепком вкусе этой огромной, вручную скрученной сигары было что-то на удивление приятное.

Наицин курил такие постоянно и истово клялся, что в один прекрасный день имперские апотекарии, наконец, признают, что сигары — достойный спутник досуга для мужчины.

В этом Вобан не был уверен, но если Наицину приходила в голову идея, поколебать его убежденность было непросто. Вобан оперся на железное ограждение и оглядел простиравшийся перед ним пейзаж.

Вид, открывавшийся с южного балкона зала для брифингов, был, мягко говоря, впечатляющим. В день, когда Вобан впервые увидел этот мир, оранжевый цвет пылающего неба поверг его в трепет своим первозданным огнем, но сейчас это сияние вызывало лишь тошноту. Впрочем, как и многое другое на этом забытом Императором обломке скалы. Покрытые пеплом вершины гор тянулись до горизонта, и если бы не холодное бешенство, в котором пребывал Вобан, и

густые столбы черного дыма на юго-востоке, суровый пейзаж мог бы даже показаться красивым.

Пока он жив, Вобан никогда не забудет ужасающие сцены из Иерихонских Водопадов, увиденные им на пикт-передатчике: космопорт стал багряным от крови его полка. Груз вины за смерть его солдат не становился легче от мысли, что он был бессилен предотвратить ее. Это были его люди, и у них было право полагать, что командир не станет рисковать их жизнями без веской на то причины. Он не выполнил свой долг перед подчиненными, и горечь этого провала болезненной занозой терзала его сердце.

Иерихонские Водопады в руках врага, и столько погибших, что он как солдат даже не мог представить.

Вобан поймал себя на том, что он обозревает величественную панораму крутых горных склонов, думая о грядущих сражениях.

Какая разница, подумал он, погибнут они или выживут? Разве из-за этого горы рассыплются в пыль, ветер умерит свою ярость или солнце потускнеет? Конечно же, нет, но затем он вспомнил чудовищные картины из Иерихонских Водопадов. Зло, которые они сулили, не шло ни в какое сравнение со всем, что Вобану довелось пережить прежде, и каждый нерв в его теле содрогался от мысли о подобных силах. Во вселенной для них не должно быть места.

Существа, способные на такое кровопролитие, по самой своей природе были злом, и их следовало остановить.

Возможно, скалам и солнцу нет дела до того, что они тут и погибнут, но Вобан знал, что подобное зло должно встречать сопротивление везде, где бы оно ни появилось.

— Сэр? — Голос заставил его очнуться от мрачных мыслей.

У бронированной двери, ведущей в зал для брифингов, кашляя от душного воздуха, стоял один из штабных офицеров. Он прижимал к груди толстую пачку папок и бумаг.

— Все собрались? — спросил Вобан.

— Да, сэр. Все уже прибыли, — сообщил офицер.

Вобан кивнул, и штабист с облегчением поспешил скрыться внутри. В последний раз окинув взглядом высокие горные пики, Вобан глубоко вздохнул, одернул свой небесно-голубой мундир и застегнул воротник.

Даже во время войны надлежало помнить о приличиях.

Вобан дрожал, и хотя он говорил себе, что причиной тому прохладный воздух гор, в это верилось только отчасти. В этот мир пришел враг, более жестокий, чем могло представить его воображение, и теперь им предстоит решить, как с ним сражаться.

В зале для брифингов Вобану показалось слишком жарко, но он не обратил внимания на капли пота, выступившие на лбу, и направился к своему креслу во главе стола для совещаний. Стены украшали флаги и эмблемы всех полков, многие века защищавших цитадель, и Вобан почтительно кивнул призракам своих предшественников.

Все места были заняты. За длинным овальным столом собрались старшие командиры его батальонов и начальники станций. С одной стороны сидели командиры его полка: Михаил Леонид, его заместитель, и командиры трех батальонов — Пит Андерс, Гуннар Тедески и Морган Кристан. С другой стороны стола расположились представители Адептус Механикус. Адепт Наицин сидел, положив на стол затянутые в перчатки руки, и курил длинную сигару, выгоняя дым из искусственных легких через выхлопные отверстия вдоль гибкого серебряного позвоночника. За его спиной выстроилась свита из слепых писцов и автоматических записывающих устройств, кропотливо фиксировавших каждые слово и жест своего повелителя.

Рядом с Наицином голопроектор в бронзовой раме показывал мерцающее изображение пепельно-бледного лица, окруженного нимбом проводов и булькающих трубок. Лицо то и дело искажалось в гримасе, когда мускулы пытались воспроизвести полузабытые мимические движения, принесенные в жертву пульсации машин вместе с органической природой их владельца. Архимагос Каэр Амаэтон, смотритель цитадели Гидры Кордатус, хмуро взирал из глубин своего святилища машин, где он был навечно связан с бьющимся механическим сердцем цитадели, навсегда подсоединен к каждому процессу ее функционирования. То немногое, что еще оставалось от тела Амаэтона, было так глубоко погружено во внутреннюю матрицу цитадели, что он уже не мог покинуть свое искусственное жилище в самом сердце крепости.

Младшие офицеры сновали вокруг стола, разливая кофеин и раздавая материалы для брифинга, испещренные колонками цифр с указанием численности боеспособных частей и состояния снабжения.

Вобан недовольно заворчал.

— Есть три вида лжи, — сказал он, быстро проглядев документ, — ложь, наглая ложь и статистика!

Позади стола техники с выбритыми затылками готовили проектор для демонстрации графиков, составленных по приказу Вобана; немного в стороне была установлена стального цвета кафедра.

Как только техники и адъютанты покинули зал, Вобан встал и занял место за кафедрой. Выдохнув облако густого дыма, суровый командир обратился к военному совету.

— Итак, джентльмены, нам нанесли серьезный удар, и, вполне вероятно, ситуация еще ухудшится, прежде чем наступит перемена к лучшему.

Такое по-видимому пораженческое заявление заставило нахмуриться некоторых младших офицеров. Не обратив на них внимания, Вобан продолжил:

— Времени у нас немного, поэтому буду по возможности краток, а затем мы начнем наш ответный удар. Нам здорово досталось, но если мы будем действовать незамедлительно, думаю, у нас есть неплохой шанс дать врагу по зубам. Прежде всего, я кратко обрисую наше положение на настоящий момент. Я сделаю это быстро, поэтому не отвлекайтесь, и если я задам вам вопрос, отвечайте без промедления. Ваши вопросы вы сможете задать, когда я закончу.

Приняв молчание офицеров за знак согласия, Вобан повернулся к проектору у себя за спиной, на который была выведена крупномасштабная карта цитадели и окрестностей. Иерихонские Водопады были отмечены красным, а цитадель, Тор Кристо и соединяющий их подземный туннель — зеленым.

— Как вы видите, враг занял Иерихонские Водопады и лишил нас любой возможности воспользоваться тамошним оборудованием. В силу этого мы также лишились прикрытия с воздуха и возможности нанести удар с помощью авиации.

Вобан повернулся к Гуннару Тедески.

— Сколько там базировалось самолетов, майор Тедески?

Невысокий, плотного сложения, майор еще в бытностью свою пилотом «Мародера» лишился руки и правого глаза, место которого в выжженной глазнице заняли грубые и неровные шрамы. Во время обстрела орочьей колонны он был сбит и попал в плен, пройдя через пытки в лапах зеленокожих прежде, чем воины Четвертой роты Ультрадесанта освободили его.

Тедески ответил, не заглядывая в свои бумаги:

— Пять эскадрилий «Молний» и четыре — «Мародеров». В общем сто двенадцать самолетов, по большей части перехватчики и, как мы подозреваем, большая часть их уничтожена.

— Хорошо, по крайней мере, мы с большой долей уверенности можем сказать, что враг не будет использовать против нас нашу собственную авиацию. Как бы то ни было, помимо этого на нашей стороне все еще остается преимущество в логистике и стратегии. Как долго это будет продол…

— Прошу прощения, полковник Вобан, — перебил его магос Наицин, — не могли ли вы объяснить, что привело вас к такому выводу? Как я понимаю, мы лишились нашей

единственной связи с внешним миром, и в данный момент враг использует наше же оборудование, чтобы доставлять на поверхность планеты все новые войска и военные машины. Не вижу, как это может стать нашим преимуществом.

Не делая попыток скрыть раздражение, Вобан облокотился на кафедру и заговорил так, как будто обращался к особенно несообразительному младшему офицеру:

— Магос Наицин, вы человек науки, а не военный, поэтому вам необязательно это понимать, но мне совершенно ясно, что данная атака на нашу цитадель обречена на провал. В нашем распоряжении более двадцати тысяч солдат, танковая бригада и пол-легиона титанов Легио Игнатум. Я знаю эту крепость, я читал записи, оставленные предыдущими кастелянами. Соотношение потерь при взятии бастионов цитадели в самом худшем случае составит четыре к одному, и, уверен, даже вы признаете, что такие цифры выходят за пределы того, что нам может готовить любой противник.

Предоставив Наицину возмущаться столь снисходительным ответом, Вобан вернулся к экрану проектора и по очереди указал на каждую из высветившихся на нем иконок, обозначавших дислокацию войск.

— Наши силы распределены между основными военными формированиями. Батальон В базируется тут, рядом с батальоном Б, что вместе составляет около двенадцати тысяч солдат и девятьсот единиц бронетехники. Батальон А был разделен на две части в Иерихонских Водопадах и Тор Кристо, и, учитывая потери, понесенные в Иерихонских Водопадах, численность батальона сейчас составляет немногим менее семи тысяч человек, все они в настоящее время базируются в Тор Кристо.

Изображение на экране вновь сменилось, на этот раз демонстрируя на карте позиции и численность вражеской армии.

— Что касается противника, нам известно, что со времени битвы у Водопадов из космопорта выдвинулись лишь немногие силы. Мы можем только строить догадки об их численности, но, по нашим предположениям, у них не более тридцати-сорока тысяч солдат, которые хорошо вооружены и — на данный момент — не испытывают недостатка в мотивации и умелых командирах.

Вобан сделал паузу, чтобы грандиозность названных чисел в полной мере дошла до аудитории, и с удовлетворением отметил, что никто из его слушателей не поддался страху.

— Итак, вот наша ситуация, насколько мы можем оценить ее в данный момент. Теперь я попрошу каждого из вас проинформировать остальных о состоянии вашего соединения. Говорите прямо и будьте откровенны. Если в вашей части неудовлетворительная дисциплина, есть перебои в снабжении или иные недочеты, я должен знать об этом. Ясно?

Вобан повернулся к мерцающему голографическому изображению магоса Амаэтона на другом конце стола.

— Архимагос Амаэтон, вы ближе, чем большинство из нас, знакомы с техническим оснащением крепости. Есть ли что-нибудь, что мне следует знать?

Голографический образ магоса задрожал, и Вобан уже собирался повторить свой вопрос, когда Амаэтон, наконец, ответил. В его прерывающемся голосе не было уверенности.

— Я считаю, наш ответный удар должен быть сильным и быстрым… именно так. Цитадель хорошо укреплена, но, как вам известно, любая крепость неизбежно падет, если не прибудет помощь извне. Пока мы не уверимся, что подкрепление уже направляется к нам, это будет жизнь взаймы. Мы должны приложить все силы, чтобы продержаться, пока не прибудет подкрепление.

— Хорошо. Вы все слышали, что сказал магос. К завтрашнему утру мне нужны отчеты об укомплектованности боеприпасами по каждой станции. В обычных обстоятельствах я не люблю контратаки: это значит, что враг захватил инициативу и вынудил нас занять оборонительную позицию. Но в данном случае я не думаю, что у нас есть особый выбор.

Вобан повернулся к батальонным командирам:

— Гуннар, Пит, Морган? В каком состоянии ваши части?

Пит Андерс ответил первым:

— Клянусь жизнью, сэр, мы покажем этим шавкам, что значит уметь драться! Батальон В заставит этих нечистых псов убраться прочь, поджав хвосты, прежде чем они посмеют даже посмотреть на стены нашей цитадели!

— То же сделает и Батальон А, — резко сказал Тедески.

— Отлично. Так держать, — Вобан улыбнулся, довольный тем, что его офицеры настроены столь решительно. Офицеры козырнули, не скрывая своего желания порадовать командира и перейти, наконец, к боевым действиям.

Брифинг продолжался. Кастелян цитадели двинулся вокруг стола, энергичным жестом сжатой в кулак руки акцентируя каждый пункт своего плана.

— Майор Тедески будет удерживать Тор Кристо при поддержке двух артиллерийских взводов от каждого батальона. Я хочу, чтобы артиллерия обрушила на этих паршивцев столько снарядов, сколько сможет, прежде чем они приблизятся к цитадели. Майор Кристан, под вашей ответственностью бастион Винкаре; майор Андерс удерживает бастион Мори. Первый равелин будут посменно защищать подразделения из обоих ваших батальонов под командованием подполковника Леонида.

Офицеры кивнули, и Вобан продолжил изложение своего плана.

— Нам предстоит тяжелый бой, джентльмены, и мы лишим себя всякого преимущества, если дадим врагу передышку. Если принцепс Фиерах согласится с моими предложениями, его титаны и наши бронетанковые роты, используя подходящую ситуацию, смогут перенести бой на территорию врага и, тем самым, лишат его возможности спокойно завершить подготовку к осаде. Чем дольше мы будем сдерживать продвижение противника, не позволяя ему приблизиться к стенам цитадели, тем больше времени будет на подход подкрепления.

— В какие вероятные сроки нам следует ожидать прибытия подкрепления? — спросил Леонид, подавшись вперед и опираясь локтями о стол.

— Я могу ответить на этот вопрос, — откликнулся адепт Наицин. — Кастелян Вобан, вы позволите?

Вобан согласно кивнул.

— Перед тем, как пали Иерихонские Водопады, магос Механикумов, находившийся там, сумел отправить зашифрованную сводку с пометкой высокой категории срочности. Очень скоро это сообщение получат все ближайшие аванпосты Адептус Механикус, и код секретности, который я заметил в сообщении, должен гарантировать самый быстрый ответ.

— Насколько быстрый? — не сдавался Леонид.

— Сколь-либо точно сказать невозможно. Путешествие на такие расстояния зависит от массы переменных, и существует множество факторов, которые могут негативно повлиять на сроки прибытия подкреплений.

— А по вашим догадкам?

Наицин пожал плечами. Его вздох прозвучал подобно разряду статических помех в его вокс-усилителе.

— Вероятно, через семьдесят дней, но не позже, чем через сотню.

Леонид кивнул, хотя полученный ответ явно не улучшил его настроения.

— Мы отправили еще одно сообщение из нашего Звездного Зала? На случай, если первое сообщение не прошло.

Магос Наицин неуютно поежился и взглянул на голографическое изображение своего господина, прежде чем ответить.

— К сожалению, в последнее время мы столкнулись с некоторыми проблемами с кодировкой при отправке сообщений, и услуги Звездного Зала в данный момент для нас…недоступны. Но пусть вас это не беспокоит, майор, — продолжил Наицин с прежним самообладанием. — Враг, может быть, и способен взять над нами верх числом, но на это потребуется время. Время, которого не будет, если подкрепление уже идет к нам. Время работает против них, они это знают, и потому будут действовать отчаянно и неосторожно. Это нам на пользу.

Наицин откинулся в кресле, и Вобан вернулся на свое место.

— Итак, джентльмены, всем ясно, что предстоит сделать? Нам придется действовать точно и быстро. Ошибки — роскошь, которую мы себе позволить не можем, а потому держите ружья наготове, а сабли — хорошо отточенными. Вопросы?

Вопросов не было, и Вобан продолжил:

— Не обманывайте себя, угроза, с которой мы здесь столкнулись, более чем реальна. Грядущее противостояние потребует максимума от вас и ваших людей. Цена победы будет высокой, чертовски высокой, и это жертва, на которую мы все должны быть готовы пойти. А теперь — за дело. Нам предстоит битва.

http://tl.rulate.ru/book/30591/674205